

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.2825](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825)**Д. С. Толстых, Е. С. Павленко, В. А. Мальцева****ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Толстых Д. С., Павленко Е. С., Мальцева В. А. Журавли и синицы: образовательные и профессиональные притязания современной молодежи по данным лонгитюдного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 90—122. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825>.

For citation:

Tolstykh D. S., Pavlenko E. S., Maltseva V. A. (2026) Cranes and Tomtits: Educational and Professional Aspirations of Modern Youth According to a Longitudinal Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 90–122. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825>. (In Russ.)

Получено: 26.12.2024. Принято к публикации: 16.12.2025.

ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИТЯЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОЛСТЫХ Дарья Сергеевна — стажер-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tolsdasha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7038-4359>

ПАВЛЕНКО Екатерина Сергеевна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: epavlenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна — кандидат экономических наук, директор, старший научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

Аннотация. В статье рассматривается связь образовательных и профессиональных притязаний российской молодежи с образовательными и ранними профессиональными траекториями. Анализ лонгитюдных данных проекта «Траектории в образовании и профессии» (2013—2023 гг.) показывает, что притязания структурируются нормой обязательного высшего образования, однако фактическая реализация часто не совпадает с заявленными планами, особенно в зависимости от семейного образовательного капитала и места проживания. В центре

CRANES AND TOMTITS: EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ASPIRATIONS OF MODERN YOUTH ACCORDING TO A LONGITUDINAL STUDY

*Daria S. TOLSTYKH*¹ — Research fellow at the Centre for Vocational Education and Skills Development
E-MAIL: tolsdasha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7038-4359>

*Ekaterina S. PAVLENKO*¹ — Cand. Sci. (Education), Research Fellow at the Centre for Vocational Education and Skills Development
E-MAIL: epavlenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

*Vera A. MALTSEVA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Director, Senior Research Fellow, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the interaction between educational and career aspirations of Russian youth and their impact on educational and early career trajectories. An analysis of longitudinal data from the TREC project (2013–2023) reveals that aspirations are structured around the norm of mandatory higher education; however, actual attainment often diverges from stated plans, particularly depending on family educational capital and place of residence. Special attention is given to the mismatch between educational achievements and career aspirations, as well as the identification

внимания — рассогласованность между образовательными достижениями и карьерными притязаниями, а также выявление групп с высокими рисками недореализации образовательных целей. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению притязаний и их реализации с учетом социально-экономического положения и городской среды. Результаты показывают, что именно пересечение типа карьерной цели и ресурсной базы (семейный образовательный капитал, городская среда) объясняет различия между реализацией, «превышением» и недореализацией притязаний.

Ключевые слова: образовательные притязания, профессиональные притязания, исследования молодежи, образовательный выбор, социально-экономический статус

Благодарность. Авторы выражают признательность Доминику Шевчику и Ильясу Латыпову за участие в работе над более ранними версиями статьи. Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В последние десятилетия российская система образования переживает очередную фазу трансформации. Массовизация высшего образования в 2000-е — начале 2010-х годов сформировала социальную норму обязательного получения университетского диплома как стартового условия профессиональной карьеры [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]. Однако с середины 2010-х годов наблюдается спад переходов в высшее образование: доля молодежи, охваченной высшим образованием, стабилизировалась на уровне 30—32% [Мальцева, Шабалин, 2021; Малиновский, Шибанова, 2022]. При этом, согласно качественным исследованиям, нарратив о необходимости высшего образования остается устойчивым [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020]. Одновременно растет неоднородность самого высшего образования [Малиновский, Шибанова, 2022], что приводит к существенным различиям в карьерных исходах выпускников [Рожкова и др., 2023].

В этой ситуации особую значимость приобретает вопрос о степени реализации образовательных притязаний. Если ориентация на высшее образование сохраняется как нормативная установка, насколько устойчиво достижение за-

of groups at high risk of underachieving their educational goals. The findings emphasize the need for a comprehensive approach to studying aspirations and their realization, taking into account socioeconomic status and urban context. Results show that it is the intersection of career goals and resource base (family educational capital, urban environment) that explains differences between realization, exceeding, and under-realization of aspirations.

Keywords: educational aspirations, career aspirations, youth studies, educational choice, socioeconomic status

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Dominik Shevchik and Ilyas Latypov for his help in preparation of the publication. The research leading to these results has received funding from the Basic Research Program at HSE University.

явленных статусов? Нарратив обязательности получения высшего образования может скрывать значительные расхождения между заявленными образовательными и карьерными притязаниями молодежи и их фактическими траекториями. Эти расхождения особенно заметны в условиях социальной стратификации и территориальных диспропорций: молодежь из регионов и семей с невысоким образовательным капиталом чаще занижает цели, что усиливает воспроизводство неравенства [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020]. Анализ подобных расхождений необходим для диагностики социальных рисков, сопровождающих становление молодежных траекторий в условиях трансформации образования и рынка труда.

В русле концепции воспроизводства социального неравенства, разработанной П. Бурдьё [Bourdieu, Passeron, 1990], и международные [Schoon, Parsons, 2002; Schoon, Polek, 2011; Staff et al., 2010], и российские исследования [Константиновский, 2015, 2019; Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018; Мальцева, Розенфельд, 2022] показывают, что образовательные и профессиональные (карьерные) притязания структурируются социально-экономическим статусом индивида и семьи, а также образовательными ожиданиями родителей. В российском контексте дополнительное значение приобретает территориальная неоднородность образовательных возможностей [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Константиновский, Попова, 2023]. Однако эти исследования, как правило, рассматривают образовательные и профессиональные траектории изолированно. Более того, акцент чаще делается на образовательных притязаниях, измеряемых по шкале «высокие — низкие», тогда как профессиональные притязания нередко сводятся к выбору профессии, что не позволяет реконструировать их иерархическую структуру.

Настоящее исследование исходит из необходимости изучать образовательные и профессиональные притязания во взаимосвязи. Опираясь на концепцию «емкости притязаний» Арджуна Аппадурай [Appadurai, 2004], мы рассматриваем их как элементы единой системы представлений о «лучшей жизни». С этой позиции образовательные и карьерные чаяния образуют единое поле смыслов, где выбор уровня образования неотделим от представлений о будущем.

Цель исследования — выявить социально-экономические факторы реализации образовательных притязаний и соотнести их с более широко понимаемыми профессиональными притязаниями. Исследование основано на данных лонгитюдного проекта «Траектории в образовании и профессии»¹ (ТрОП, 2013—2023 гг.), в нем применяется типология степеней реализации притязаний для анализа факторов риска реализации, недореализации и превышения заявленных целей. Дополнительно проводится кластеризация респондентов по степени реализации образовательных притязаний и характеру профессиональных устремлений. Статья вносит вклад в дискуссию о социально-экономической обусловленности образовательных притязаний и их реализации, дополняя существующие подходы анализом взаимосвязи образовательных и профессиональных целей и выделением профилей траекторий молодежи.

¹ Сайт проекта ТрОП: <https://trec.hse.ru/>.

Ландшафт эмпирических исследований притязаний в контексте неравенства²

Социологическое изучение образовательных притязаний и результатов последовательно подчеркивает двойственную роль индивидуальной агентности и структурных факторов в формировании жизненных траекторий. С одной стороны, уровень притязаний влияет на характеристики последующей траектории: школьники с притязаниями на профессиональную карьеру в старших классах чаще занимают управленческие или высококвалифицированные должности в зрелом возрасте и получают более высокую заработную плату по сравнению со сверстниками с низкими притязаниями [Schoon, Parsons, 2002; Schoon, Martin, Ross, 2007; Mello, 2008]. Высокие карьерные притязания содействуют учебной мотивации и поступлению в вуз, тогда как низкие связаны с низкой мотивацией и слабым развитием навыков [Schoon, Polek 2011; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Ashby, Schoon, 2010]. Российские данные также указывают на рост притязаний молодежи, отражающий направление ожидаемых достижений [Магун, Энгватов, 2006]. С другой стороны, и притязания, и результирующие траектории, формируются под воздействием структурных социально-экономических факторов и неравенства ресурсов [Bourdieu, Passeron, 1990]. Дети из семей среднего класса чаще выбирают престижные профессии и демонстрируют более высокие достижения [Silva, Corse, 2018; Bynner, Joshi, 2002], в то время как дети из менее обеспеченных семей имеют заниженные карьерные планы [Baird, Burge, Reynolds, 2008; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Sabates, Harris, Staff, 2011; Sharon 2013].

Российские данные в целом согласуются с международными тенденциями: ресурсы родительской семьи существенно влияют как на формирование притязаний, так и на их реализацию [Попов, Тюменева, Ларина, 2013; Хавенсон, Чиркина, 2019; Шпаковская, 2015; Косьякова и др. 2016; Бессуднов, Малик, 2016]. Исследования показывают, что притязания российской молодежи на входе в старшую школу структурированы «нормой обязательного высшего образования» [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017], сформировавшейся в 2000-е годы [Константиновский, 2019; Константиновский, Попова, 2015]. В то же время среди фактических траекторий в последние 15 лет растет доля среднего профессионального образования (СПО) [Константиновский, Попова, 2020; Мальцева, Шабалин, 2021], хотя отчасти это следствие снижения доступности высшего образования [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018; Prakhov, 2016; Prakhov, Yudkevich, 2019]. Анализ карьерных притязаний посвящен отдельный пул исследований [Свирищевская, Пашкевич, 2020; Зубок, Чупров, 2020; Лебедева, Вилкова, 2022], которые фиксируют изменение профиля профессиональных притязаний одновременно с размытием представлений об отдельных профессиях, а также положительную динамику в стремлении работать по специальности. Специфическим для российского контекста является значительное неравенство в образовательных и карьерных притязаниях не только между сельской и городской молодежью [Абанкина, Красилова, Ястребов, 2012; Савельева, 2020], но и между молодежью разных регионов

² В качестве дополнительного инструмента поиска и резюмирования научной литературы были использованы средства генеративного ИИ (Perplexity.AI, ResearchRabbit.AI).

и городов разного типа и размера [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Константиновский, Попова, 2023].

При исследовании образовательных притязаний затрагивается больше нюансов, чем при исследовании профессиональных. Например, ученые отличают притязания от ожиданий и при оценке успешности траекторий также изучают взаимодействие между ними [Boxer et al. 2011] и роль степени их определенности [Sabates, Gutman, Schoon, 2017]. Российские данные подтверждают и эти тенденции: намерения школьников получить образование того или иного уровня зависят не только от социально-демографических характеристик, экономических факторов и академических результатов, но и от образовательных ожиданий, в том числе их родителей [Шпаковская, 2015; Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Мальцева, Розенфельд, 2022]. В данной работе мы определяем притязания как планируемый к получению максимальный уровень образования и анализируем именно его.

Комплексные исследования профессиональных притязаний более редки по сравнению с исследованиями образовательных притязаний. Работ, изучающих образовательные и карьерные притязания одновременно и во взаимодействии, встречается крайне мало, и они показывают, что социально-экономический статус значимо влияет на оба вида притязаний [Zewude, Habgiorgis, 2022; Richard, 2018], а также что образовательные и профессиональные притязания и траектории связаны нелинейно [Амбарова, Зборовский, 2022].

Дефицит таких исследований особенно заметен на фоне расширения повестки социологии неравенства в сторону исследования символического измерения социальной реальности [Куракин, 2020]. В этой перспективе притязания можно рассматривать не как количественные (выше — ниже) маркеры, но как качественные, когнитивные, открытые для интерпретации системы смыслов. Наиболее четко этот тезис сформулировал Арджун Аппадурай, предложив понятие «емкость притязаний» (*capacity to aspire*), которую он также называет «культурной емкостью» (*cultural capacity*): «притязания на лучшую жизнь являются частью некой системы идей, что помещает их в более масштабную карту идей и убеждений о жизни и смерти, природе мирских благ, значимости материальных ресурсов по сравнению с социальными связями, относительной иллюзии социального постоянства для общества, ценности мира и вражды» [Appadurai, 2004: 67]. В контексте статистических исследований связи социально-экономического статуса, образовательных и карьерных притязаний это означает, что образовательные и карьерные притязания пересекаются, перекрываются, и наделяются смыслом в связке друг с другом, а не изолированно. Лучше всего комплексность образовательно-карьерных притязаний раскрывают качественные исследования, например, с помощью изучения визуальных метафор авторы выделили четыре модели, которые подчеркивают логику соотношения целей и средств их достижения в большей степени, чем конкретные уровни образования и профессии [Свищевская, Пашкевич, 2020].

Данная статья вносит вклад в исследования нелинейного взаимодействия образовательных и карьерных притязаний. Мы рассматриваем притязания (планы) на тот или иной уровень образования, оцениваем степень их реализации и, наконец, выстраиваем комплексные социально-экономические профили респондентов по степени реализации образовательных притязаний во взаимодействии с карьерными.

Методология и данные

В анализе используются данные трех волн лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии»³: второй волны (2013—2014 г., 4138 респондентов), четвертой (2015 г., 4239 респондентов) и 12-й (2023 г., 3239 респондента). Это позволяет проследить динамику образовательных и карьерных притязаний сначала у учащихся 11-го классов, затем студентов первого-второго курсов вузов и СПО и затем увидеть ретроспективную оценку сделанных выборов у респондентов, уже вышедших на рынок труда. Исследование сформировано на базе вероятностной стратифицированной выборки TIMSS-2011, в которую вошли 42 региона, при использовании выборочных весов обеспечивается репрезентативность на федеральном уровне для генеральной совокупности учащихся восьмых классов общеобразовательных организаций Российской Федерации, но не отдельных регионов (когорты TIMSS-2011, оценочная численность целевой популяции — порядка 1,21—1,25 млн учащихся). Конечной единицей отбора выступали классы, внутри которых опрашивались все учащиеся.

Для оценки образовательных притязаний использовался вопрос о максимальном уровне образования, который задавался во второй волне. Все предложенные варианты ответов были перекодированы в четыре большие группы: «школа», «СПО», «высшее образование», «сверх-ВО» (данный вариант подразумевает магистратуру, получение двух высших образований, аспирантуру, ординатуру).

Для оценки реализованности притязаний применялись две переменные с четырьмя укрупненными подгруппами, выделенными на основе вопросов об образовательных притязаниях и максимальном достигнутом уровне образования на момент 12-й волны. При совпадении уровней формировалась категория «реализовали притязания», если же заявленный уровень притязаний был ниже достигнутого — «превзошли притязания» и «не достигли», если полученный уровень образования был ниже желаемого.

Для исследования пересечения образовательных и профессиональных притязаний дополнительно был закодирован и проанализирован открытый вопрос: «Если говорить о карьере, профессии, то кем Вы себя видите в 30 лет?», который задавался в четвертой волне. Открытый вопрос затем был закодирован в четыре большие группы: руководители, профессионалы, полупрофессионалы⁴ и предприниматели.

Далее было проведено сопоставление распределения выделенных групп карьерных притязаний с образовательными планами и образовательной траекторией: (1) с выбором траектории после девятого класса, (2) с максимально планируемым уровнем образования и (3) с планами на ближайшие десять лет. Тем самым проверялось, различаются ли типы карьерных притязаний у учащихся с разными образовательными стратегиями, а также сохраняются ли эти различия при учете социально-экономического статуса семьи. Итоговый анализ представлен как

³ Данные исследования открыты для пользования исследователями на сайте <https://trop.hse.ru/>.

⁴ Наименование категории присвоено с опорой на российскую литературу по стратификации и относится к занятостям, находящимся между профессиональными и рутинными (неквалифицированными) позициями и предполагающим специализированные навыки и подготовку при сравнительно меньшей автономии и требованиях к формальному образованию («...полупрофессионалами» („Semi-Professionals“), в российских условиях обозначаемыми обычно как „специалисты среднего уровня квалификации“ [Тихонова, 2023: 40]).

сравнение долей между группами по образовательной траектории и социально-экономическому статусу семьи.

Для оценки социально-экономического положения семьи использовались две переменные: уровень образования родителей (градации — есть диплом о ВО у обоих родителей, есть диплом о ВО у одного из родителей, нет диплома о ВО ни у одного из родителей, вопрос задавался родителям в первой волне) и самооценка дохода семьи на момент второй волны по лестнице из шести ступеней (вопрос задавался подросткам)⁵ (см. формулировки вопросов в Приложении 1).

Таблица 1. **Контрольные переменные**⁶

		Количество	% по столбцу
Оценка материального положения (СЭС, укрупненные категории), 2 волна	Низкий СЭС	56	2,2
	Средний СЭС	1045	42,1
	Высокий СЭС	1383	55,7
Размер населенного пункта	<100 тыс.	709	28,7
	100—450 тыс.	489	19,8
	450—680 тыс.	376	15,2
	>680 тыс.	491	19,9
	Москва или Санкт-Петербург	406	16,4
Тип школы	Лицей/гимназия	1026	40,3
	Простая школа	1522	59,7
Пол	Женский	1009	51,7
	Мужской	943	48,3
Образование родителей	Есть ВО у обоих родителей	461	17,7
	Нет ВО ни у одного из родителей	1187	45,7 %
	ВО у одного из родителей	949	36,5 %

⁵ Переменная субъективного дохода семьи тестировалась в двух спецификациях: категориальной (низкий/средний/высокий) и интервальной. В моделях М1-М2 в основной версии используется категориальная спецификация, поскольку она не навязывает линейность эффекта и позволяет интерпретировать различия по группам дохода относительно референтной категории. В модели М3 (кластеры) доход задан шкально, поскольку при более сложной зависимой переменной и меньших численностях в отдельных категориях такая параметризация требует меньшего числа оцениваемых коэффициентов и дает более устойчивые оценки. Альтернативная кодировка дохода проверялась во всех моделях; при смене параметризации могут меняться уровни статистической значимости отдельных коэффициентов, однако направление основных эффектов сохраняется.

⁶ Низкий СЭС включает категории «денег не хватает даже на питание» и «на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви». Средний СЭС включает категории «на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники». Высокий СЭС включает категории «денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом» и «материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом».

Для оценки статистической значимости межгрупповых различий в распределениях исходов применялись попарные сравнения долей с использованием z-критерия; для контроля ошибки множественных сравнений — поправка Бонферрони.

Для оценки факторов, ассоциированных со статусом реализации притязаний, рассматривались модели мультиномиальной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной использован статус реализации (опорная категория — «реализовали»; альтернативные категории — «превзошли» и «не реализовали»). Для интерпретации коэффициентов рассчитывались отношения шансов ($OR = \exp(B)$). Модель 1 ($M1, N = 1401$ ⁷) включает базовые социально-демографические и контекстные предикторы (субъективная оценка дохода; образовательный капитал родителей; тип школы; размер города; пол). Модель 2 ($M2, N = 1401$) дополнительно включает исходные образовательные притязания (реф. — высшее образование; альтернативы — СПО и сверх-ВО) для оценки вклада образовательных планов и проверки устойчивости оценок при их учете.

Модели $M1$ – $M2$ оценивают факторы, связанные со статусом реализации притязаний, не различая тип исходных профессиональных притязаний. Для учета потенциальной неоднородности внутри категорий статуса реализации и описания типичных сочетаний «тип профессиональных притязаний × статус» реализации, был проведен иерархический кластерный анализ по двум переменным — статус реализации и тип профессиональных притязаний. Это позволило выделить устойчивые комбинации «притязания × реализация» и использовать их как отдельную зависимую переменную. Далее была проведена оценка того ($M3, N = 1108$), какие факторы связаны не только с (не)реализацией в целом, но и с принадлежностью к различающимся по содержанию траекториям.

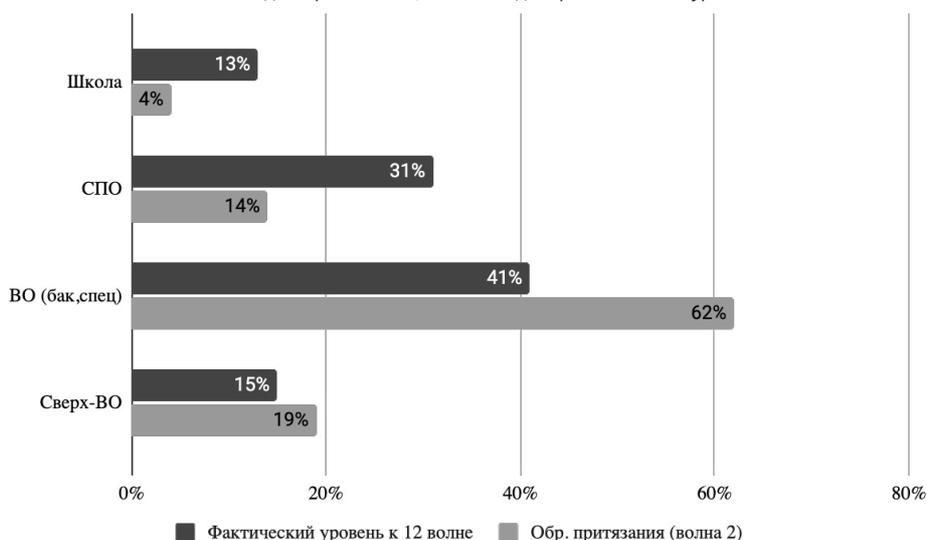
Результаты

Оценка степени реализации притязаний

Исходные притязания во второй волне демонстрируют характерный для постсоветской России «миф об обязательном высшем образовании»: ориентир на ВО выступает нормативным ожиданием. Около 65 % респондентов декларируют намерение получить бакалавриат/специалитет, еще около 20 % — «сверх-ВО», тогда как СПО и завершение образования на уровне школы распространены существенно меньше (14 % и 4 %) (см. рис. 1). Однако жизненная ситуация более приземленная. В 12-й волне школьное образование фиксировалось у 13 %, СПО — у 31 %, ВО — у 41 %, сверх-ВО — у 15 % (см. рис. 1). Около 47 % респондентов реализовали свои образовательные намерения, 37 % не реализовали и 15 % — превзошли. Таким образом, для значимой части притязания оказались достижимыми, но «рынок» сверх заявленного был относительно редок. Ранние притязания на получение высшего образования почти у половины опрошенных не реализуются и перераспределяются в направлении среднего профессионального и школьного. Образование выше вузовского остается устойчивым по размеру кластером.

⁷ Различия объема выборки регрессий связаны с тем, что в каждую модель включались только наблюдения без пропусков по всем переменным спецификации.

Рис. 1. Притязания и реально достигнутые уровни образования, $N = 3019$ для притязаний, $N = 2604$ для фактического уровня

Преимуществом лонгитюдных данных является возможность сопоставления не только притязаний с реальными достижениями в 12-й волне, но и с социально-экономическими характеристиками семьи и характеристиками места проживания. Перекрестные распределения статуса реализации притязаний по ключевым признакам представлены в Приложении 2 (см. табл. А1 в Приложении 2). Статистическая значимость межгрупповых различий оценивалась попарными z-тестами долей с поправкой Бонферрони (для приведенных ниже различий: $p < 0,05$).

Различия по размеру населенного пункта выражены следующим образом: среди тех, кто реализовал притязания, доля респондентов из городов 100—450 тыс. человек составляет 23%, тогда как среди тех, кто не реализовал, — 17% ($p < 0,05$); напротив, среди нереализовавших выше доля выходцев из населенных пунктов до 100 тыс. человек (34% против 25%, $p < 0,05$).

Аналогично различия фиксируются по исходным образовательным притязаниям: среди реализовавших выше доля тех, кто изначально ориентировался на СПО (20% против 9%; $p < 0,05$) и базовое ВО (65% против 56%), тогда как среди нереализовавших заметно выше доля исходных притязаний на сверх-ВО (35% против 12%; $p < 0,05$). В совокупности это указывает на большую достижимость умеренных образовательных планов (СПО/ВО) по сравнению с максимально высокими притязаниями (сверх-ВО), что связано с большей согласованностью между заявленными планами и фактическим образовательным маршрутом (см. табл. А1 в Приложении 2).

В наиболее успешную группу «превзошедших» притязания чуть чаще попадает молодежь из более ресурсных семей (см. табл. А1 в Приложении 2): доля респондентов с высоким субъективным доходом среди «превзошедших» составляет 61% (против 57% среди «реализовавших» и 52% среди «нереализовавших»), а доля ре-

спондентов, у которых оба родителя имеют высшее образование, — 25 % (против 18 % среди «реализовавших» и 17 % среди «нереализовавших»).

Вместе с тем «превышение» нередко наблюдается и у респондентов с исходно низкими образовательными ожиданиями: среди «превзошедших» доля тех, кто в четвертой волне планировал завершить образование на уровне школы, составляет 18 %. Этот результат согласуется с интерпретацией «превышения» как перехода на более высокий образовательный уровень по сравнению с изначально заявленными планами. Далее рассмотрим, сохраняются ли описанные различия при использовании регрессионного моделирования и учете контрольных переменных.

Социально-экономические факторы реализации образовательных притязаний

Для оценки роли факторов попадания в ту или иную категорию была использована мультиномиальная логистическая регрессия. В качестве опорной категории взята наиболее наполненная группа «реализовавших притязания». Результаты регрессионного анализа (см. табл. 2) подтверждают устойчивую связь с наличием высшего образования у родителей. При наличии высшего образования у обоих родителей отношение шансов «превзойти притязания» по сравнению с «реализовать притязания» выше в 2,38 раза ($OR = 2,38$; $p < 0,01$, M2). Вероятность «не реализовать притязания» при наличии ВО у обоих родителей ниже на 67 % ($OR = 0,33$; $p < 0,01$, M2), а при наличии ВО хотя бы у одного родителя — ниже на 50 % ($OR = 0,50$; $p < 0,01$, M2).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа шансов на реализацию притязаний

	Модель 1 (M1). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)		Модель 2 (M2). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)	
	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали
(Intercept)	0,50	0,56	0,54	0,60
СЭС_ низкий доход (самооценка) (ref)				
СЭС_ средний доход (самооценка)	0,82	1,12	0,74	1,02
СЭС_ высокий доход (самооценка)	0,91	1,11	0,90	1,02
Обычная школа (ref)				
Окончил лицей/гимназию	1,14	0,87	1,16	0,93
СЭС_нет ВО у обоих родителей (ref)				
СЭС_есть ВО у обоих родителей	2,10***	0,37***	2,38***	0,33***
СЭС_есть ВО у одного из родителей	1,25	0,50***	1,34	0,5***
Пол: женский (ref)				
Пол: мужской	0,91	1,39***	0,84	1,38***
Населенный пункт: Мск, СПб (ref)				
Населенный пункт: <100	0,53***	1,90***	0,45***	1,92***
Населенный пункт: 100—450 тыс	0,38***	1,06	0,25***	1,15
Населенный пункт: 450—680 тыс	0,88	1,47	0,94	1,24
Населенный пункт: >680 тыс	0,69	0,98	0,65	0,91

	Модель 1 (M1). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)		Модель 2 (M2). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)	
	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали
притязания на ВО (ref)				
притязания на СПО	0,97	0,28***	1,40	0,81
притязания сверх-ВО	0,00***	4,94***	0,77	1,13
проф. притязания: профессионалы (ref)				
проф. притязания: руководители			0,91	0,99
проф. притязания: полупрофессионалы			1,08	0,35***
проф. притязания: предприниматели			0,00***	5,36***
Псевдо R-квадрат	0,141		0,161	
AIC	2475.084		1887.064	
Объем выборки	1401		1076	

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Также оказалась устойчивой связь с размером населенного пункта: описательные различия, зафиксированные ранее на основе перекрестных распределений (см. табл. А1 в Приложении 1), получили подтверждение в регрессионных моделях (M2). Так, в малых (<100 тыс.) и средних (100—450 тыс.) городах отношение шансов на «превзойти притязания» на 55 % (OR = 0,45 $p < 0,01$) и 75 % (OR = 0,25, $p < 0,01$) ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге (M2). Риск «не реализовать» статистически значимо выше только в малых городах (OR = 1,92; $p < 0,01$ M2), тогда как для 100—450 тыс. различия по этому исходу незначимы. Для городов с численностью населения 450 тыс. и более отношение шансов на превышение или недостижение задуманных статусов статистически значимо не отличается от столиц (M2).

Помимо семейных и институциональных характеристик, значимую роль в объяснении исходов реализации притязаний могут играть исходные образовательные притязания (ориентация на СПО и «сверх-ВО»), однако их вклад зависит от спецификации модели. В модели без учета профессиональных групп (M1) ориентация на СПО связана со снижением риска «не реализовать» (OR = 0,28; то есть на 72 %, $p < 0,01$), что указывает на относительную достижимость умеренных целей. Напротив, ориентация на «сверх-ВО» ассоциирована с повышенным риском «не реализовать» (OR = 4,94, M1, $p < 0,01$), что согласуется с гипотезой о разрыве между крайне высокими ожиданиями и доступными ресурсами.

После включения профессиональных притязаний (M2) коэффициенты исходных образовательных притязаний не достигают статистической значимости (на принятом уровне), что указывает на частичное «поглощение» их эффекта содержанием карьерной цели и связанными с ним структурными характеристиками. Иными словами, различия, выявленные в M1, в значительной мере отражают то, как образовательные планы встроены в профессиональные ориентиры и коррелируют с ресурсами семьи и типом населенного пункта; при их одновременном учете

самостоятельный вклад образовательных притязаний в риск нереализации статистически не подтверждается.

Реализация притязаний формируется прежде всего через образовательный капитал семьи (прямая канализация ожиданий), а размер города, вероятно, выступает индикатором качества среды, повышающим как вероятность достижения цели, так и шанс ее превышения (M2). При этом слишком высокие исходные ожидания («сверх-ВО») без ресурсов (высшего образования у родителей) сдвигают траектории к «не реализовано», в то время как умеренные цели (СПО) чаще достигаются (M1). Таким образом, в полной спецификации модели ключевую роль играют структурные ресурсы и контекст, тогда как эффекты исходных образовательных установок оказываются неустойчивыми при их контроле на профессиональные притязания.

Социально-экономические факторы формирования карьерных притязаний

В данном разделе представлен анализ ответов на открытый вопрос: «Если говорить о карьере, профессии, то кем Вы себя видите в 30 лет?» Вопрос задавался в четвертой волне ТРОП студентам первого-второго курсов вузов и СПО и имел открытый формат, что позволило зафиксировать различия в представлениях о будущей карьере. Ответы были закодированы в четыре взаимоисключающие укрупненные категории. (1) Руководители — респонденты, описывающие будущее в терминах руководящей должности (руководитель, управленец, менеджер, директор) без указания конкретной профессиональной сферы. (2) Профессионалы — респонденты, называющие конкретную профессию/специальность, как правило, предполагающую получение высшего образования (врач, юрист, бухгалтер и др.). (3) Полупрофессионалы — респонденты, указывающие профессии, не требующие высшей квалификации (достаточно курсов или среднего профессионального образования), например водитель, повар, автомеханик и т. п. (4) Предприниматели — ответы, отсылающие к «работе на себя», владению бизнесом или занятию предпринимательством.

В результате кодирования распределение профессиональных притязаний выглядит следующим образом: профессионалы — 61 %, руководители — 17 %, предприниматели — 15 %, полупрофессионалы — 8 % (см. табл. А2 в Приложении 2).

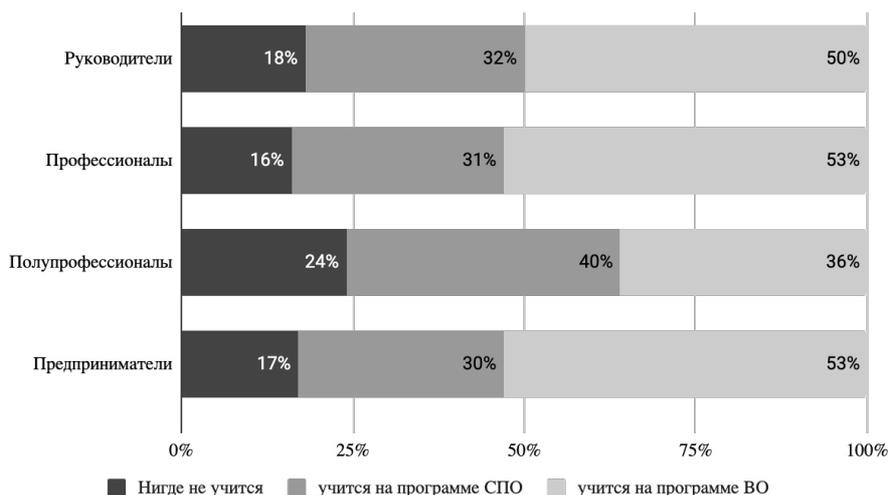
Далее анализ показал, что различия в профессиональных притязаниях также связаны с пространственным контекстом (см. табл. А2 в Приложении 2). Полупрофессионалы статистически чаще происходят из малых населенных пунктов (<100 тыс.): 38 % против 24 % среди руководителей, 28 % среди профессионалов и 30 % среди предпринимателей. Напротив, доля проживающих в Москве и Санкт-Петербурге среди полупрофессионалов существенно ниже (8 %) по сравнению с руководителями (18 %), профессионалами (17 %) и предпринимателями (18 %). Это указывает на концентрацию позиционных и высококвалифицированных притязаний в крупных центрах и относительную «периферийность» полупрофессиональных траекторий.

В отличие от профессиональных притязаний, по исходным образовательным притязаниям статистически значимые различия выделились только у одной группы: среди полупрофессионалов чуть больше доля притязаний на СПО во второй

волне — 19%, чем у профессионалов (12%) и предпринимателей (10%). Это указывает на согласованность профессиональных притязаний, заявленных в четвертой волне, с образовательными планами, зафиксированными ранее во второй волне (в части ориентации на СПО).

Дополнительно было рассмотрено, как уровень карьерных притязаний молодежи согласуется с ее образовательными траекториями (см. рис. 2, а также табл. А2 в Приложении 2). В среднем около 50% респондентов в каждой группе, за исключением полупрофессионалов, учится на программе ВО, куда они поступили сразу после окончания школы. Среди полупрофессионалов выше доля тех, кто не учится нигде, — 24%. Также среди полупрофессионалов несколько чаще оказываются те, кто учится на программе СПО (40%).

Рис. 2. Распределение статуса обучения в четвертой волне (не учится / обучается в СПО / обучается в ВО) по типу профессиональных притязаний, заявленных в четвертой волне (N = 2729)⁸

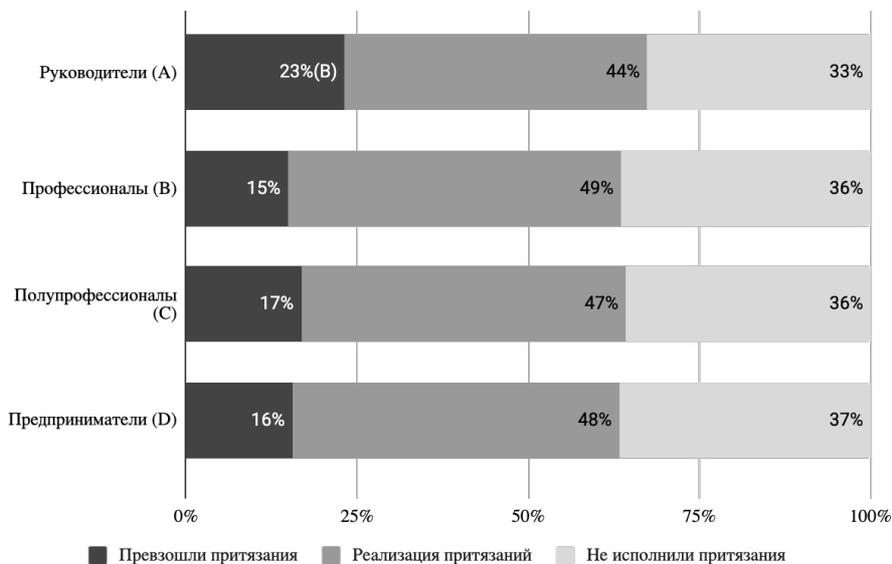
По факту достигнутого к 12-й волне уровня образования именно у полупрофессионалов наблюдаются значимые отличия: среди них выше доля получивших образование на уровне школы — 17% (см. табл. А2 в Приложении 2), что подтверждает уязвимость этой группы к понижению фактически достигнутого образования по сравнению с притязаниями там, где ресурсы (образование родителей) и инфраструктура (размер города) ограничены. У профессионалов и предпринимателей преобладает завершённое ВО (44 и 42% соответственно).

Наконец, по исходам реализации образовательных притязаний различия носят более умеренный характер (см. рис. 3). Во всех профессиональных группах преобладает исход «реализовали» (44—49%), а доли «превзошедших» варьируют в диапазоне 15—23%. При этом «руководители» значимо выделяются как группа, где «подъем планки» фиксируется чаще (23%), чем среди профессионалов (15%).

⁸ Доли рассчитаны внутри каждой группы профессиональных притязаний (сумма по строке = 100%).

Доли «не реализовали» относительно близки для трех групп (33—37 %), несколько выше у предпринимателей (37 %) и ниже у руководителей (33 %).

Рис. 3. Распределение исходов реализации образовательных притязаний в группах по карьерным притязаниям (доли внутри групп; N = 1690)

В сумме обнаруженные значимые различия указывают на три механизма: (1) пространственная стратификация — полупрофессиональные притязания тяготеют к малым городам и чаще «застывают» на школьном уровне образования; (2) профессиональная конгруэнтность — у профессионалов исходно ниже ориентации (на СПО); (3) высокие профессиональные притязания ведут к наиболее успешной траектории — у руководителей чаще фиксируется «превышение» заявленного уровня образовательных притязаний.

Далее мы проверили эти закономерности с учетом влияния контрольных переменных, включив профессиональные группы в регрессионные модели. В качестве опорной категории выступили профессионалы, все коэффициенты других групп интерпретируются относительно них. Добавление профессиональных характеристик оказалось незначимо для оценки шансов превзойти заявленные притязания, однако значимо для недостижения. Во-первых, полупрофессионалы имеют на 65 % меньше шансов оказаться в группе «не реализовали» по сравнению с «профессионалами» ($OR = 0,35$, $p < 0,01$, $M2$), это указывает, что они изначально демонстрируют более низкие и, соответственно, достижимые карьерно-образовательные цели. Во-вторых, предприниматели характеризуются практически отсутствующим шансом «превзойти» заявленный уровень, что может объясняться их уходом с «академической» траектории. Об этом свидетельствует и то, что они существенно выделяются повышенным риском «не реализовать» притязания (в 5,36 раза больше, чем профессионалы, $p < 0,01$; $M2$), что также согласуется с более слабой инсти-

туциональной связкой предпринимательской траектории с формальным ВО при сохранении нормы «обязательного диплома».

Кластеры совмещения образовательных и карьерных притязаний

После описания различий по отдельным признакам и проверки их устойчивости в регрессионных моделях мы дополнительно рассмотрели пересечение типа профессиональных притязаний (четвертая волна) и статуса реализации образовательных притязаний (12-я волна) как единого исхода. Формально это пересечение может быть представлено таблицей сопряженности, однако использование всех комбинаций в анализе приводит к малому числу наблюдений в некоторых категориях и затрудняет интерпретацию. Поэтому на следующем шаге была применена иерархическая кластеризация, которая позволила укрупнить наблюдаемые сочетания двух признаков и выделить несколько наиболее распространенных типов карьерно-образовательных траекторий. Также полученная кластерная переменная далее используется как зависимая переменная в модели МЗ.

Отдельного пояснения требует статус группы полупрофессионалов. Во-первых, в кластерный анализ вошли только респонденты с полными данными по двум признакам и всем ковариатам спецификации, поэтому численность подвыборки сократилась; часть наблюдений из всех профессиональных групп, включая полупрофессионалов, не попала в анализ из-за пропусков. Во-вторых, хотя теоретически возможны 12 сочетаний (3 статуса реализации × 4 типа профессиональных притязаний), ряд комбинаций оказался малочисленным и не формировал самостоятельных устойчивых кластеров — такие наблюдения были автоматически отнесены к ближайшим по профилю более крупным кластерам⁹. Таким образом выделились пять кластеров:

— «реализовавшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел бы быть профессионалом и реализовал свои образовательные притязания к 12-й волне (25—26 лет);

— «не реализовавшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть профессионалом, но к 12-й волне не реализовал свои образовательные притязания (25—26 лет);

— «превзошедшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть профессионалом и к 12-й волне получил более высокое образование, чем планировал;

— «реализовавшие притязания предприниматели» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть предпринимателем и реализовал свои образовательные притязания к 12-й волне;

— «не реализовавшие притязания руководители» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть руководителями, но к 12-й волне не реализовал свои образовательные притязания.

Так как самой наполненной была подгруппа профессионалов, именно она более четко разделилась по различным исходам. Выделенные группы помогают нам, во-первых, точнее построить профиль индивидов (см. табл. А3 в Приложе-

⁹ Так как кластеры строились на номинальных переменных, использовался метод межгрупповых связей и мера χ^2 (хи-квадрат).

нии 2), входящих в каждую из них, а во-вторых, смоделировать шансы на вхождение в ту или иную карьерно-образовательную траекторию.

Итак, кластер «реализовавшие притязания профессионалы» — самый «конвенциональный» кластер с явным сходством целей и результатов: чаще исходные притязания на ВО (68 % здесь и далее — процент от общего числа в кластере) и фактически завершённое ВО (63 %). «Не реализовавшие притязания профессионалы» демонстрируют ресурсно уязвимый профиль: чаще это выпускники обычных школ (65 %), чаще из семей, где у родителей нет ВО (50 %), и чаще из малых городов (35 %). Их стартовые ожидания нередко завышены: доля ориентации на «сверх-ВО» составляет 32 % (наибольшее значение среди кластеров), тогда как итоговые результаты смещены вниз — 21 % имеет уровень образования «школа» и 44 % — СПО (оба показателя максимальны среди кластеров).

У подгруппы «превзошедших притязания профессионалов» устойчивых ресурсных (образование родителей и доход) маркеров не выявлено, что сочетается с внутренней гетерогенностью кластера: значимые различия по выборке есть лишь с результатом высокого образовательного статуса — доля фактического сверх-ВО здесь значимо самая большая — 33 %. Также его представители характеризуются более благоприятными стартовыми условиями — проживанием в более крупных городах (450—680 тыс.), чем те, кто не реализовал притязания.

«Реализовавшие притязания предприниматели» значимо чаще проживают в малых и средних городах (<100 тыс. — 36 %), их стартовые ожидания чаще на СПО — 20 %, но к моменту выхода на рынок труда они чаще «дотягиваются» до ВО — 64 %. «Не реализовавшие притязания руководители» отличаются преимущественно институциональным каналом амбиций: половина — выпускники лицеев и гимназий (50 %), но по факту к 12-й волне фиксируется «приземление» амбиций: 24 % остаются на школьной ступени образования, а 40 % — на СПО.

Факторы включения в кластеры

Для оценки шансов принадлежности к кластерам использована мультиномиальная логистическая регрессия с опорной категорией «реализовавшие притязания профессионалы» (М3; см. табл. 3). Следует подчеркнуть, что в М3 эффекты проявляются лишь на уровне $p < 0,1$, то есть их следует интерпретировать как тенденции, а не как устойчивые результаты. Это согласуется с невысокой объясняющей способностью модели ($Pseudo R^2 = 0,035$) и более сложной зависимой переменной (комбинации статуса реализации и типа профессиональных притязаний), что в целом уменьшает статистическую мощность тестов.

Относительно опорного кластера «реализовавшие притязания профессионалы» вероятность принадлежности к кластеру «не реализовавшие притязания профессионалы» связана с ресурсной уязвимостью семьи: рост дохода снижает шансы принадлежности к этому кластеру примерно на 14 % ($OR = 0,86$; $p < 0,1$), а наличие высшего образования хотя бы у одного родителя — примерно на 28 % ($OR = 0,72$; $p < 0,1$). По направлению эти результаты согласуются с моделями М1 и М2 и описательными таблицами: ресурсная уязвимость семьи демонстрирует выраженный и устойчивый эффект на риск нереализации притязаний (М1 и М2), отличие М3 состоит в том, что сравнение проводится внутри более узкого класса довольно вы-

соких «профессиональных» карьерных притязаний. Для кластера «превзошедшие притязания профессионалы» статистически значимых (включая $p < 0,1$) отличий от опорного кластера не выявлено. Это означает, что при учете ковариат МЗ данный кластер не имеет устойчиво отличимого предикторного профиля по сравнению с «реализовавшими притязания профессионалами». Такое отсутствие различий согласуется с описанием структуры кластера: «превышение» может возникать как за счет «коррекции вверх» при благоприятных ресурсах, так и за счет «рывка» при исходно более низких планах. В этом смысле кластеризация обеспечивает сопоставимость типовых сочетаний для регрессионного анализа, однако интерпретация кластера «превзошедшие притязания профессионалы» действительно требует осторожности; эмпирически он может оставаться внутренне неоднородным и быть кандидатом на уточнение в последующих исследованиях.

Таблица 3. **Результаты регрессионного анализа шансов на включение в кластер по сочетанию реализации образовательных и профессиональных притязаний**

	Модель (МЗ). Опорный кластер — 4 (реализовавшие притязания профессионалы)			
	1. Превзошедшие притязания профессионалы	2. Не реализовавшие притязания профессионалы	3. Реализовавшие притязания предприниматели	4. Не реализовавшие притязания руководители
(Intercept)	0,93	1,87	0,44	0,06
СЭС_Доход семьи	0,96	0,86*	0,83*	1,15
Обычная школа (ref)				
Окончил лицей/гимназию	1,27	1,06	1,57*	1,7*
СЭС_нет ВО у обоих родителей				
СЭС_есть ВО у обоих родителей	0,97	0,69	0,6	0,56
СЭС_есть ВО у одного из родителей	0,91	0,72*	1,03	0,98
Пол: женский (ref)				
Пол: мужской	1,13	0,97	1,03	0,87
Населенный пункт: Мск, СПб (ref)				
Населенный пункт: <100	1,08	1,48	2,06*	1,27
Населенный пункт: 100—450 тыс	0,83	0,78	1,05	0,9
Населенный пункт: 450—680 тыс	1,12	0,85	1,02	1,19
Населенный пункт: >680 тыс	0,77	0,92	1,65	0,75
Псевдо R-квадрат	0,035			
AIC	3173.096			
Объем выборки	1108			

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Для кластера «реализовавшие притязания предприниматели» обнаружено несколько тенденций, отличающих его от опорной группы. Во-первых, с ростом дохода семьи вероятность принадлежности к этому кластеру становится ниже

(на 17 %, $OR = 0,83$; $p < 0,1$), то есть при прочих равных сочетание «реализовали притязания» и предпринимательской ориентации чаще фиксируется на менее благоприятном доходном фоне. Во-вторых, проживание в городе 100—450 тыс. человек повышает вероятность принадлежности к этому кластеру по сравнению со столицами (в 2,06 раза, $p < 0,1$). В-третьих, окончание лица или гимназии также ассоциировано с более высокой вероятностью принадлежности к кластеру (на 57 %, $OR = 1,57$; $p < 0,1$). В совокупности эти тенденции можно интерпретировать как возможность формирования успешности, альтернативной академической: менее благоприятные финансовый фон и институциональные условия для развития в относительно небольших городах компенсируются культурным капиталом, наработанным в школе. Однако подчеркиваем, что на уровне МЗ это фиксируется как слабые эффекты ($p < 0,1$), требующие подтверждения.

Вероятность принадлежности к кластеру «не реализовавшие притязания руководители» также отличается от опорного кластера преимущественно по школьному бэкграунду: окончание лица или гимназии повышает вероятность принадлежности к данному кластеру примерно на 70 % ($OR = 1,70$; $p < 0,1$), при отсутствии устойчивых различий по доходу и образовательному капиталу родителей. В содержательном плане это может означать, что специализированная школа связана с более выраженной ориентацией на статусные (руководящие) притязания, но при недостаточной конкретизации карьерной цели и/или ограниченности внешних возможностей часть таких притязаний оказывается нереализованной. Эта интерпретация также носит предварительный характер, поскольку эффект фиксируется лишь на уровне $p < 0,1$.

В целом результаты МЗ воспроизводят общий вывод для моделей М1 и М2, но уточняет картину за счет комбинированного исхода: ресурсный дефицит наиболее последовательно связан с траекторией «не реализовавшие притязания профессионалы», тогда как для «предпринимательской» и «руководящей» траекторий на первый план выходят институциональные признаки (тип школы) и отдельные характеристики городского контекста.

Заключение

Исследование лонгитюдных данных проекта ТрОП показало, что притязания российской молодежи на входе в старшую школу структурированы «нормой обязательного высшего образования» [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]: две трети ориентируются на ВО, еще пятая часть — на «сверх-ВО». Однако к выходу на рынок труда фактическая структура статусов «приземляется»: около половины реализуют заявленный уровень, «рывок вверх» редок, значимая доля планов смещается к СПО и незавершенным/отложенным академическим траекториям. Тем самым не только подтверждаются ключевые выводы предыдущих исследований о важности формулирования высоких притязаний, но показывается, что степень реализации зависит от доступных ресурсов и институциональных порогов [Schoon, Polek, 2011; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Baird, Burge, Reynolds, 2008].

Ключевой механизм, проявившийся в анализе образовательных притязаний, — стратификационные различия в воплощении притязаний в реальную траекторию. Решающее значение для этого имеет образовательный капитал семьи:

наличие высшего образования у обоих родителей связано с более высокой вероятностью «превышения» и меньшим риском недореализации заявленного уровня. При этом эффект субъективного дохода семьи менее устойчив: в сравнении с образовательным капиталом его вклад чаще оказывается статистически незначимым. Второй системный фактор — размер города: в крупных центрах (Москва, Санкт-Петербург и города-агломерации) выше вероятность как реализации, так и «подъема планки», тогда как малые города связаны с повышенными рисками нереализованных притязаний.

Профессиональные притязания задают контур согласования между профессией и требуемой квалификацией. Структура профессиональных притязаний также оказывается смещена к «профессионалам», требующим высшего образования, для которых образовательные цели и фактические исходы наиболее согласованы. В регрессионном анализе различия между профессиональными группами проявляются прежде всего для двух категорий: полупрофессионалы имеют более низкий риск «не реализовать» притязания по сравнению с профессионалами, тогда как предприниматели демонстрируют повышенный риск недореализации и крайне низкую вероятность «превышения». Важно подчеркнуть, что такая «уязвимость» предпринимателей фиксируется по шкале формальных образовательных уровней и отражает более слабую связку предпринимательской ориентации с институционально закрепленной логикой «диплом — профессия», а не отсутствие возможностей достижения успеха вне академической траектории. Соответственно, для предпринимателей чаще наблюдается расхождение между образовательными планами и фактическим результатом по образовательной шкале при потенциально иных критериях успешности.

Кластерный анализ пересечений профессиональных притязаний и образовательных исходов уточняет стратификационную картину, однако результаты следует интерпретировать осторожно: значимые коэффициенты фиксируются лишь на уровне $p < 0,1$ и отражают скорее тенденции. Внутри «профессионального» сегмента ресурсная уязвимость семьи связана с траекторией «не реализовавшие притязания профессионалы», тогда как для «предпринимательской» и «руководящей» траекторий на первый план выходят институциональные признаки (тип школы) и отдельные характеристики городского контекста.

В теоретическом плане результаты показывают, что связь между образовательными планами и карьерными ориентациями формируется в поле структурных ограничений, прежде всего образовательным каналом СЭС и пространственной инфраструктурой, тем самым внося вклад в обсуждение детерминант успешной конверсии амбиций [Croll, 2008; Valls et al., 2022; Zewude, Habgiorgis, 2022]. В наших данных профессиональные притязания оказываются более близким к исходам маркером стратификации, чем сами образовательные притязания: в моделях, где одновременно учитываются образовательные и профессиональные ориентации, эффекты исходных образовательных притязаний ослабевают и теряют статистическую значимость, тогда как различия между профессиональными группами сохраняются. Это согласуется с интерпретацией, что образовательные планы приобретают значение через ожидаемые карьерные цели, которые они должны обеспечить.

Отдельный вклад работы — совместное рассмотрение образовательных и профессиональных притязаний, позволяющее выйти за рамки «уровневых» целей и показать, как различные типы карьерных целей соотносятся с вероятностью реализации образовательных планов. Лонгитюд ТрОП дает возможность развести массовую ориентацию на ВО и фактическую конверсию притязаний, выделив связь с устойчивыми профилями профессиональных притязаний: «предприниматели» демонстрируют наибольшие риски нереализации заявленного образовательного уровня, так как изначально демонстрируют высокие притязания, а «профессиональные» и «полупрофессионалы» в среднем демонстрируют более высокую согласованность планов и достижений при сопоставимых ресурсных условиях. Высокие позиционные притязания («руководители») связаны с повышенными шансами «превзойти» заявленный уровень (при прочих равных), что указывает на специфический механизм «подъема планки» в траекториях с должностной ориентацией.

В совокупности результаты показывают, что именно пересечение типа карьерной цели и ресурсной базы (семейный образовательный капитал, городская среда) объясняет различия между реализацией, «превышением» и недореализацией образовательных притязаний, — тем самым добавляя к литературе о статусных эффектах неравенства содержательное измерение профессиональных ожиданий и их роли в образовательных исходах. Наш анализ показывает, что образовательные и карьерные притязания сложно переплетаются как с факторами СЭС и места проживания, так и между собой: часть различий, приписываемых образовательным планам, объясняется тем, какие карьерные цели за ними стоят. Для комплексного понимания сложных переплетений символических конструкций притязаний, фрагментации современных биографий [Свирщевская, Пашкевич, 2020; Minina, Pavlenko, 2023; Зубок, Чупров, 2020], их реализации и социального неравенства необходимо не только расширять анализ доступных российских статистических данных, но и дополнять его данными интервью, поскольку именно они могут пролить свет на символическую структуру притязаний — способы, которыми молодые люди описывают желаемые статусы, профессии и уровни образования как социально значимые цели (например, престиж, «нормальность», автономия, безопасность), а также то, как они соотносят эти цели с доступными ресурсами и жизненными обстоятельствами.

Ограничения исследования связаны с лонгитюдным дизайном и способом измерения ключевых переменных. Во-первых, в панели наблюдается осыпание: к 12-й волне в выборке сохранилось 3239 респондентов, что составляет около 66% от исходной когорты TIMSS-2011 (N = 4893); для волн, используемых в статье, объемы составляют 4138 (вторая волна), 4239 (четвертая волна) и 3239 (12-я волна). Это повышает риск селективного выбытия и потенциального смещения оценок в сторону более «академических» траекторий, несмотря на применение весов. Во-вторых, профессиональные притязания фиксируются через открытый вопрос и последующее кодирование ответов; такая процедура неизбежно упрощает эмпирический материал и не позволяет сохранить ряд смысловых параметров (например, степень определенности планов, их условность, а также мотивы выбора и различия между ориентацией на должность и на конкретную профессиональную деятельность). В-третьих, регрессионные модели в работе не пред-

назначены для установления причинно-следственных связей и интерпретируются как оценки статистических связей между переменными. Панельный дизайн обеспечивает временной разрыв между частью предикторов и исходов, однако без дополнительных допущений и специальных каузальных процедур регрессии не исключают влияние неучтенных факторов и селективности; поэтому выводы формулируются как вероятностные связи, а не как причинные эффекты.

Список литературы (References)

1. Абанкина Т. В., Красилова А. Н., Ястребов Г. А. Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. Abankina T., Krasilova A., Yastrebov G. (2012) Education as a Start in Life: Life Plans of Rural High School Students in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. (In Russ.)
2. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67—91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. (2022) What Awaits Students After... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 67—91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>. (In Russ.)
3. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V. (2017) The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. (In Russ.)
4. Бессуднов А., Малик В. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. Bessudnov A., Malik V. (2016) Socio-economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories Upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 1 P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. (In Russ.)
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. Zubok Y. A., Chuprov V. I. (2020) Life Strategies of Youth: Fulfillment of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

6. Кондратенко В. А., Кирюшина М. А., Богданов М. Б. Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
Kondratenko V. A., Kiryushina M. A., Bogdanov M. B. (2020) Educational Aspirations of Russian Schoolchildren: Factors and Age Dynamics. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
7. Константиновский Д. Л. Российская молодежь перед современными вызовами рынка труда // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума Будущее сферы труда: достойный труд для всех (г. Уфа, 4—5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати. 2019. С. 210—214.
Konstantinovskiy D. L. (2019) Russian Youth Facing Contemporary Challenges of The Labor Market. In: *The Future of Work: Global Challenges and Regional Development. Proceedings of the International Forum «The Future of Work: Decent Work for All»* (Ufa, February 4—5, 2019). Ufa: Mir Pechati. P. 210—214. (In Russ.)
8. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37—48. URL: <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5828> (дата обращения: 17.02.2026).
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2015) Youth, Labor Market, and the Expansion of Higher Education. *Sociological Studies*. No 11. P. 37—48. URL: <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5828> (accessed: 17.02.2026). (In Russ.)
9. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>.
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2020) Secondary vs Higher Education. *World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 29. No. 2. P. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>. (In Russ.)
10. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Образовательная стратификация в российских городах // Горшков М. К. и др. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф. 2023. С. 294—332.
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2023) Educational Stratification in Russian Cities. In: Gorshkov M. K., Li Peilin, Kozyreva P. M., Chernysh M. F. (eds.) *Urban Worlds of Russia and China: Modernization and Its Influence*. Moscow: Novy Khronograf. P. 294—332. (In Russ.)
11. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 5. С. 76—97.
Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality Within the Russian Educational System. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 76—97. (In Russ.)

12. Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-3-167-231>.
Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *The Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-3-167-231>. (In Russ.)
13. Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>.
Lebedeva N. V., Vilkova K. A. (2022) Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>. (In Russ.)
14. Магун В. С., Энговатов М. В. (2006) Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985—2005 гг.) // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76—96.
Magun V. S., Engovatov M. V. (2006) Dynamics of Aspirations and Changes in Youth Resource Strategies (1985—2005). *Otechestvennyye zapiski*. No. 3. P. 76—96. (In Russ.)
15. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. Вып. 7: Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2022) Access to Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality. Vol. 7: Modern Education Analytics. Moscow: HSE. (In Russ.)
16. Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99—148. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>.
Maltseva V. A., Rozenfeld N. Y. (2022). Trajectories of Russian Youth in Education and Profession Based on Longitudinal Data: Complex Pathways of University Graduates. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 99—148. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>. (In Russ.)
17. Мальцева В. А., Шабалин А. Не-обходной маневр, или бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>.
Maltseva V., Shabalin A. (2021) The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>. (In Russ.)
18. Попов Д., Тюменева Ю., Ларина Г. Жизнь после 9-го класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории // Во-

- просы образования. 2013. № 4. С. 310—334. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334>.
- Popov D., Tyumeneva Y., Larina, G. (2013). Life After 9th Grade: How Personal Achievements of Students and Family Resources Influence Life Trajectories. *Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 310—334. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334>. (In Russ.)
19. Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161—190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190>.
- Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2023) The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 161—190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190>. (In Russ.)
20. Савельева С. С. Неравенство успехов и притязаний девятиклассников: уровень локальных образовательных систем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>.
- Savelyeva S. S. (2020) Inequality of Success and Aspirations Among Ninth-Graders: Levels of Local Educational Systems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>. (In Russ.)
21. Свирщевская А. Д., Пашкевич А. В. Прочтение визуальных метафор о планировании карьеры у поколения молодых миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>.
- Svirshchevskaya A. D., Pashkevich A. V. (2020) Interpreting Visual Metaphors Related to Career Planning as Viewed by Younger Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>. (In Russ.)
22. Тихонова Н. Е. Методология и методика выделения профессионалов в современных обществах // Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / под общ. ред.: Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 40—77.
- Tikhonova N. E. (2023) Methodology and Methods for Identifying Professionals in Contemporary Societies. In: N. E. Tikhonova, Yu. V. Latov (eds.) *Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors*. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: FCTAS RAS. P. 40—77. (In Russ.)
23. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи. *The Journal of Social Policy Studies*. 2019. Т. 17. № 4. С. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

- Khavenson T., Chirkina T. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>. (In Russ.)
24. Шпаковская Л. Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 211—224.
Shpakovskaya L. L. (2015) The Educational Expectations of Parents: a Mechanism That Reproduces Social Inequality. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 211—224. (In Russ.)
25. Ashby J. S., Schoon I. (2010) Career Success: The Role of Teenage Career Aspirations, Ambition Value and Gender in Predicting Adult Social Status and Earnings. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 77. No. 3. P. 350—360. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2010.06.006>.
26. Appadurai A. (2004) The Capacity to Aspire: Culture and the Terms of Recognition. In: V. Rao, M. Walton (eds.) *Culture and Public Action*. Palo Alto, CA: Stanford University Press. P. 59—84.
27. Baird C. L., Burge S. W., Reynolds, J. R. (2008) Absurdly Ambitious? Teenagers Expectations for the Future and the Realities of Social Structure. *Sociology Compass*. Vol. 2. No. 3. P. 944—962. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00110.x>.
28. Bourdieu P. P., Passeron J. C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications.
29. Boxer P., Goldstein S. E., Delorenzo T., Savoy S., Mercado I. (2011) Educational Aspiration—Expectation Discrepancies: Relation to Socioeconomic and Academic Risk-Related Factors. *Journal of Adolescence*. Vol. 34. No. 4. P. 609—617. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.10.002>.
30. Bynner J., Joshi H. (2002) Equality and Opportunity in Education: Evidence From The 1958 and 1970 Birth Cohort Studies. *Oxford Review of Education*. Vol. 28. No. 4. P. 405—425. <https://doi.org/10.1080/0305498022000013599>.
31. Croll P. (2008) Occupational Choice, Socio-Economic Status and Educational Attainment: A Study of The Occupational Choices and Destinations of Young People in the British Household Panel Survey. *Research Papers in Education*. Vol. 23. No. 3. P. 243—268. <https://doi.org/10.1080/02671520701755424>.
32. Mello Z. R. (2008) Gender Variation in Developmental Trajectories of Educational and Occupational Expectations and Attainment from Adolescence to Adulthood. *Developmental Psychology*. Vol. 44. No. 4. P. 1069—1080. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.44.4.1069>.
33. Minina E., Pavlenko E. (2023) Choosing the Lesser of Evils: Cultural Narrative and Career Decision-Making in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 26. No. 9. P. 1109—1129. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2071123>.

34. Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 29. No. 4. P. 326—343. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.
35. Prakhov I. (2016) The Barriers of Access to Selective Universities in Russia. *Higher Education Quarterly*. Vol. 70. No. 2. P. 170—199. <https://doi.org/10.1111/hequ.12087>.
36. Prakhov I., Yudkevich M. (2019) University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams? *International Journal of Educational Development*. Vol. 65. P. 98—105. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2017.08.007>.
37. Richard D. (2018) The Influence of Socioeconomic Status and Subjective Social Status on the Career Development of College Students. Master's Thesis. University of Southern Mississippi. URL: https://aquila.usm.edu/masters_theses/590 (date of access: 05.12.2025).
38. Sabates R., Gutman L. M., Schoon I. (2017) Is There a Wage Penalty Associated with Degree of Indecision in Career Aspirations? Evidence from the BCS70. *Longitudinal and Life Course Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 290—301. <https://doi.org/10.14301/llcs.v8i3.470>.
39. Sabates R., Harris A. L., Staff J. (2011) Ambition Gone Awry: The Long-Term Socio-economic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence. *Social Science Quarterly*. Vol. 92. No. 4. P. 959—977. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2011.00799.x>.
40. Schoon I., Martin P., Ross A. (2007) Career Transitions in Times of Social Change. His and Her Story. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 70. No. 1. P. 78—96. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2006.04.009>.
41. Schoon I., Parsons S. (2002) Teenage Aspirations for Future Careers and Occupational Outcomes. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 60. No. 2. P. 262—288. <https://doi.org/10.1006/jvbe.2001.1867>.
42. Schoon I., Polek E. (2011) Teenage Career Aspirations and Adult Career Attainment: The Role of Gender, Social Background and General Cognitive Ability. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 35. No. 3. P. 210—217. <https://doi.org/10.1177/0165025411398183>.
43. Silva J. M., Corse S. M. (2018) Envisioning and Enacting Class Mobility: The routine Constructions of the Agentic self. *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0026-x>.
44. Staff J., Schulenberg J. E., Bachman J. G. (2010) Adolescent Work Intensity, School Performance, and Academic Engagement. *Sociology of Education*. Vol. 83. No. 3. P. 183—200. <https://doi.org/10.1177/0038040710374585>.
45. Valls O., Astleithner F., Schels B., Vogl S., Kogler R. (2022) Educational and Occupational Aspirations: A Longitudinal Study of Vienna Youth. *Social Inclusion*. Vol. 10. No. 2. P. 226—239. <https://doi.org/10.17645/si.v10i2.5105>.

46. Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3. P. 202—223.
47. Zewude B., Habtegiorgis T. (2022). Higher Education and Career Aspirations Among Secondary School Students in Southern Ethiopia. *International Journal of Adolescence and Youth*. Vol. 27. No. 1. P. 235—248. <https://doi.org/10.1080/02673843.2022.2076604>.

Приложение 1

Какое образование имеют родители ребенка? Выберите один вариант ответа в каждом столбце, отмечая наивысший полученный уровень образования

1. Закончил(а) 9 классов школы (или меньше).
2. Начальное профессиональное образование (например, профессиональное училище).
3. Среднее общее образование (10—11 классы).
4. Среднее профессиональное образование (например, техникум).
5. Незаконченное высшее образование (закончил(а) не менее трех курсов вуза).
6. Высшее образование (закончила институт, университет, академию).
7. Имеет ученую степень или два высших образования.

Как бы Вы охарактеризовали материальное положение Вашей семьи? (Выберите один ответ.)

1. Денег не хватает даже на питание.
2. На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви.
3. На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники.
4. Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину.
5. Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом.
6. Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом.
7. Затрудняюсь ответить.

Приложение 2**Таблица А1. Перекрестные распределения характеристик респондентов по исходам реализации образовательных притязаний (М1)**

	Реализовали (А)	Превзошли (В)	Не реализовали (С)
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	2%	2%
СЭС_ средний доход (самооценка)	41%	37%	45%(В)
СЭС_ высокий доход (самооценка)	57%	61%(С)	52%
	100%	100%	100%
СЭС_образование родителей_ВО у обоих	18%	25%(АС)	17%
СЭС_образование родителей_нет ВО	42%	38%	47%(В)
СЭС_образование родителей_ВО у одного	40%	37%	36%
Окончил не специализированную школу	59%	52%	60%(В)
Окончил лицей или гимназию	41%	48%(С)	40%
	100%	100%	100%
Мужчина	47%	47%	48%
Женщина	53%	53%	52%
	100%	100%	100%
Населенный пункт_до 100 тыс. чел.	25%	21%	34%(АВ)
Населенный пункт_100—450 тыс. чел.	23%(С)	18%	17%
Населенный пункт_450—680 тыс. чел.	15%	18%	13%
Населенный пункт_более 680 тыс. чел.	22%	23%	19%
Населенный пункт_Москва, СПб	16%	20%	16%
	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	3%	18%(А)	0%
Обр.притязания_СПО	20%(ВС)	11%	9%
Обр.притязания_ВО	65%(С)	71%	56%
Обр.притязания_сверх-ВО	12%	0%	35%(А)
	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	3%	0%	28%(В)
Факт. уровень образования_СПО	20%(В)	9%	46%(АВ)
Факт. уровень образования_ВО	65%(ВС)	17%	26%(В)
Факт. уровень образования_сверх-ВО	12%	75%(А)	0%
	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Таблица А2. Перекрестные распределения характеристик респондентов по группам профессиональных притязаний (М2)

	Руководители (А)	Профессионалы (В)	Полупрофессионалы (С)	Предприниматели (D)
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	2%	1%	3%
СЭС_ средний доход (самооценка)	43%	40%	42%	42%
СЭС_ высокий доход (самооценка)	54%	57%	57%	56%
	100%	100%	100%	100%
СЭС_ образование родителей_ВО у обоих	17%	17%	14%	18%
СЭС_ образование родителей_нет ВО	45%	46%	51%	45%
СЭС_ образование родителей_ВО у одного	38%	36%	34%	37%
	100%	100%	100%	100%
Окончил не специализированную школу	60%	62%	63%	55%
Окончил лицей или гимназию	40%	38%	37%	45%
	100%	100%	100%	100%
Мужчина	47%	48%	43%	50%
Женщина	53%	52%	57%	50%
	100%	100%	100%	100%
Населенный пункт_до 100 тыс. чел.	24%	28%	38% (A)	30%
Населенный пункт_100—450 тыс. чел.	23%	19%	22%	18%
Населенный пункт_450—680 тыс. чел.	13%	16%	12%	13%
Населенный пункт_более 680 тыс. чел.	22%	19%	20%	20%
Населенный пункт_Москва, СПб	18%(C)	17%(C)	8%	18%(C)
	100%	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	5%	4%	5%	4%
Обр.притязания_СПО	14%	12%	19%(BD)	10%
Обр.притязания_ВО	62%	63%	63%	64%
Обр.притязания_сверх-ВО	19%	21%	14%	23%
	100%	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	8%	11%	17%(A)	12%
Факт. уровень образования_СПО	31%	28%	32%	27%
Факт. уровень образования_ВО	42%	44%	38%	42%
Факт. уровень образования_сверх-ВО	19%	17%	13%	18%
	100%	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Таблица А3. Перекрестные распределения характеристик респондентов по кластерам сочетаний профессиональных притязаний и исходов реализации образовательных притязаний (МЗ)

	1. Превзошли, профессионалы (А)	2. Не реализовали, профессионалы (В)	3. Реализовали, предприниматели (С)	4. Реализовали, профессионалы (D)	5. Не реализовали, руководители (E)
Кол-во, чел.	440	439	182	536	93
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	3%	3%	2%	2%
СЭС_ средний доход (самооценка)	40%	44%	45%	37%	45%
СЭС_ высокий доход (самооценка)	58%	53%	52%	61%	52%
	100%	100%	100%	100%	100%
СЭС_ образование родителей_ВО у обоих	20%	15%	13%	21%	22%
СЭС_ образование родителей_нет ВО	42%	50%(D)	47%	40%	38%
СЭС_ образование родителей_ВО у одного	38%	35%	41%	39%	41%
	100%	100%	100%	100%	100%
Окончил не специализированную школу	57%	65%(E)	58%	59%	50%
Окончил лицей или гимназию	43%	35%	42%	41%	50%(D)
	100%	100%	100%	100%	100%
Мужчина	50%	47%	44%	46%	45%
Женщина	50%	53%	56%	54%	55%
	100%	100%	100%	100%	100%
Населенный пункт_ до 100 тыс. чел.	25%	35%(AD)	36%(AD)	22%	25%
Населенный пункт_ 100—450 тыс. чел.	21%	18%	16%	22%	18%
Населенный пункт_ 450—680 тыс. чел.	18%(B)	12%	15%	15%	14%
Населенный пункт_ более 680 тыс. чел.	19%	19%	22%	23%	23%
Населенный пункт_ Москва, СПб	18%	17%	11%	18%	20%
	100%	100%	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	6%	3%	4%	4%	0%
Обр.притязания_СПО	13%	8%	20%(B)	14%(B)	6%

	1. Превзошли, профессионалы (A)	2. Не реализовали, профессионалы (B)	3. Реализовали, предприниматели (C)	4. Реализовали, профессионалы (D)	5. Не реализовали, руководители (E)
Обр.притязания_BO	67%(BE)	57%	64%	68%(BE)	48%
Обр.притязания_сверх-BO	14%	32%(ACD)	13%	14%	45%
	100%	100%	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	10%(D)	21%(ACD)	4%	3%	24%(ACD)
Факт. уровень образования_СПО	22%(D)	44%(ACD)	20%	13%	40%(ACD)
Факт. уровень образования_BO	35%(B)	24%	64%(ABE)	63%(ABE)	37%
Факт. уровень образования_сверх-BO	33%(BCD)	11%	13%	20%(B)	0%
	100%	100%	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Описание кластеров

При кластеризации использовались два номинальных признака: тип профессиональных притязаний в 4-й волне (четыре укрупненные группы) и исход реализации образовательных притязаний к 12-й волне (три категории). Теоретически это задает 12 возможных сочетаний. Однако на практике распределение оказалось сильно неравномерным: часть сочетаний имеет малую численность и не образует устойчивых «самостоятельных» кластеров в иерархической процедуре. В результате алгоритм выделил пять наиболее отчетливых и наполненных кластеров, которые соответствуют доминирующим сочетаниям профессиональных притязаний и исходов реализации:

- «превзошли, профессионалы»,
- «не реализовали, профессионалы»,
- «реализовали, предприниматели»,
- «реализовали, профессионалы» (опорный),
- «не реализовали, руководители»

Остальные сочетания присутствуют в данных, но не сформировали отдельные кластеры из-за малой численности и/или близости к более крупным группам по двум выбранным признакам.

Кластер	Реализация притязаний, озвученных во 2 волне на момент 12 — Среднее	N	Стандартное отклонение	Профессиональные группы — Среднее	N	Стандартное отклонение
«превзошли, профессионалы»,	2,0305	440	0,77667	2,2870	440	1,09094

Кластер	Реализация притязаний, озвученных во 2 волне на момент 12 — Среднее	N	Стандартное отклонение	Профессиональные группы — Среднее	N	Стандартное отклонение
«не реализовали, профессионалы»,	2,8497	439	0,35781	1,8497	439	0,35781
«реализовали, предприниматели»,	1,0000	182	0,00000	3,6413	182	0,48093
«реализовали, профессионалы» (опорный),	1,0713	536	0,25762	2,1427	536	0,51524
«не реализовали, руководители»	3,0000	93	0,00000	1,0000	93	0,00000
Всего	1,8812	1692	0,90629	2,2028	1692	0,88877